

А. И. УТКИН

**Неизвестный Черчилль.
«Я легко довольствуюсь самым лучшим»**

<Фрагмент>

Время отступлений

Есть только одна абсолютная
Обязанность, один безошибочный
курс — стараться стоять за правое
дело.

У. Черчилль

Когда Черчилль проснулся утром 22 июня, ему передали сообщение о том, что немецкие войска пересекли границу Советского Союза. Стратегическая ситуация радикальным образом изменилась. Черчилль тут же распорядился чтобы ему предоставили микрофоны Би-би-си в 9 часов вечера этого же дня. Он начал составление речи еще утром и весь день обдумывал каждую фразу. У него не было времени консультироваться с военным кабинетом, да Черчилль и не ощущал необходимости в этом. В процессе подготовки речи секретарь спросил, как может он идти на установление союзных отношений с СССР — не помешает ли этому вся его прошлая деятельность? Черчилль ответил: «Ни в малейшей степени. У меня только одна цель — разбить Гитлера. Если бы Гитлер вторгся в ад, то я нашел бы, как защитить дьявола в палате общин». Составив текст, Черчилль, как обычно, отошел к послеобеденному сну. А вечером, выступая перед страной и всем миром, он сказал: «Никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я за последние 25 лет. И я не отказываюсь ни от одного сказанного мною слова. Но все это бледнеет перед той гигантской картиной, которая разворачивается перед нами. Я вижу русских солдат, стоящих на пороге родной земли, охраняющих поля, где их отцы работали с незапамятных времен. Я вижу их, защищающих дома, где матери и жены молятся — да, да, бывают времена, когда молятся

все, — за безопасность своих близких, за возвращение кормильца, своего защитника, своей опоры. Я вижу 10 тысяч деревень России, где средства к существованию добываются на земле с таким трудом, но где все же существуют человеческие радости, где смеются и играют дети. Я вижу надвигающуюся на все это ужасающую мощь германской военной машины. Отныне у нас одна цель, одна-единственная — уничтожение нацистского режима. Мы никогда не будем вести переговоры с Гитлером. И пока мы не освободили народы, находящиеся под его ярмом, любой человек или правительство, которое сражается против нацизма, получит нашу помощь, любой человек или государство, которое сражается против Гитлера, будет нашим союзником. Такова наша политика... Из этого следует, что мы окажем любую возможную помощь России и русскому народу и мы будем призывать наших друзей и союзников все всех частях мира занять ту же позицию и следовать до конца».

(В контексте мировой борьбы представляет интерес позиция США. После получения известия о нападении Германии на СССР чиновники государственного департамента США провели сутки в непрерывных дебатах. В заявлении американского дипломатического ведомства говорилось, что «коммунистическая диктатура» так же недопустима, как и «нацистская диктатура». В заявлении не было никаких патетических слов по адресу жертвы агрессии, но заканчивалось оно выводом, что США помогут русским, поскольку Германия представляет собой большую угрозу. Через два дня президент пообещал помощь Советскому Союзу, но подстраховал это обещание указанием, что официально Советское правительство ни о чем еще не просило и что главным получателем американской помощи остается Англия.)

Со стороны советского правительства не последовало никаких комментариев, но «Правда» опубликовала выдержки из речи Черчилля. Не получив ответа, Черчилль написал письмо Сталину 7 июля 1941 г., 10 июля через Криспа он передал еще более детализированное письмо Сталину, в котором говорилось о принципах совместных действий. 19 июля 1941 г. Черчилль наконец получил первое личное послание от Сталина. Оценивая в целом последовавшую обширную переписку со Сталиным, Черчилль замечает, что отношения с советским руководством складывались далеко не просто. Он пишет, что в их переписке «было слишком много упреков. Во многих случаях мои телеграммы оставались

без ответа в течение нескольких дней». Разница в политических и культурных взглядах была слишком велика. Тем не менее Черчилль воздал должное своему союзнику: «Сила советского правительства, твердость русского народа, неисчерпаемые запасы русской мощи, огромные возможности страны, жестокость русской зимы были теми факторами, которые в конечном счете сокрушили гитлеровские армии».

Но значимость этих факторов отнюдь не была очевидной в 1941 г. Ведущие английские военные эксперты разделяли германскую точку зрения, что сопротивление России в 1941 г. Не будет долгим. (Напомним, что даже те из германских генералов, которые впоследствии высказывали сомнения в мудрости фюрера, в то время полагали, что Россия будет покорена до конца года.) В середине июня 1941 г. британские официальные оценки сводились к тому, что германские армии достигнут Кавказа в конце августа или, в крайнем случае, в начале сентября 1941 г. (Историческим фактом является требование британских военных уничтожить кавказские месторождения нефти, чтобы немцы не смогли ими воспользоваться.)

Посетившие Чекерс сэр Джон Дил и американский посол Вайнант полагали, что России удастся сопротивляться лишь шесть недель. Другие, включая Идена и Стаффорда и резюмировал по-своему: «Готов побиться об заклад, что русские будут сражаться, и сражаться победоносно два года после этого дня». В своих оценках потенциала Советского Союза, его возможностей выстоять в борьбе с Германией Черчилль ставил мощь СССР гораздо выше, чем его военные эксперты. Черчилль полагал, что Россия выстоит, хотя борьба и будет долгой. Но и он тогда едва ли мог себе представить, что между 1941 и 1944 годами три из четырех миллионов германских войск будут сражаться на Восточном фронте, что из 13,6 млн общих германских потерь на Россию придется десять миллионов.

Долговременность предстоящей борьбы требовала тщательно координированных усилий, и Черчилль приступил к выработке стратегии антигитлеровской коалиции. Он полагал, что на текущем этапе СССР должен связать силы немцев, а США — японцев. Нападение Германии на СССР сразу же давало англичанам шанс сохранить за собой Египет и Суэцкий канал. И о России Черчилль в ноябре 1941 года говорит, что она в текущий момент больше нуждается в Британии, чем Британия в ней. Одновременно Черчилль

хотел, чтобы Вашингтон занял более жесткую позицию в отношении Японии, и писал в эти дни президенту, что слабая политика в отношении Японии и неумение напугать ее «опасностями войны с двух сторон» приведут лишь к тому, что Япония утвердится в своей безнаказанности. Он предлагал сдержать Японию двусторонним американо-английским заявлением. Ему важно было остановить движение японцев на юг, к английским владениям. Если же этого не получится, то Соединенные Штаты вынужденно окажутся в военном союзе с Англией на Дальнем Востоке, что автоматически сделает их союзниками Лондона и в европейской войне. Грустной нотой при этом звучало опасение, что за союзническую помощь Вашингтон неизбежно потребует цену. Его ближайшие друзья и сотрудники, такие, как Иден и Бивербрук (как и многие другие в британских правящих кругах), разделяли страх перед тем, что послевоенный мир будет полем американского доминирования. Желание американцев ликвидировать защитительные барьеры Британского содружества наций интерпретировались ими как стремление войти в британскую зону влияния.

* * *

Однажды в июле 1941 г. помощник президента Рузвельта Гопкинс¹ во второй половине дня пришел к Черчиллю на Даунинг-стрит и оба они вышли посидеть на солнце. Гопкинс сказал, что президент очень хотел бы встретиться с Черчиллем в одинокой бухте, где им не мешали. Черчилль немедленно ответил, что уверен в чрезвычайной полезности такой встречи. Через несколько недель английская делегация отправились через океан на запад на недавно построенном линкоре британского флота «Принц Уэльский». Пересекая океан, Черчилль, пожалуй, впервые с начала войны получил несколько дней абсолютного покоя, возможность размышлять вне пресса ежедневной рутины. Впервые за несколько месяцев он прочитал роман. В кают-компании Черчилль в пятый раз смотрел фильм «Леди Гамильтон», и все равно фильм пленил его.

9 августа 1941 года на горизонте показались мачты американских кораблей. Черчилль взобрался на борт крейсера «Огаста», чтобы приветствовать президента Рузвельта. Он был готов еще не то преодолеть, чтобы начать англо-американский диалог. Нетрудно представить себе мотивы Черчилля: решилась судьба Британской империи, Англии как мировой державы.

Два крупнейших политика своего времени встретились лицом к лицу. Рузвельт стоял, опираясь на поручни, а оркестр исполнил два национальных гимна. Окружение Рузвельта на конференции «Арджентия» составляли Г. Гопкинс, заместитель государственного секретаря С. Уэллес и будущий посол США в Москве А. Гарриман. Отсутствие государственного секретаря безошибочно говорило о том, что Рузвельт лично осуществляет свою дипломатическую стратегию, не перепоручая важнейших решений другим.

Рузвельт сузил повестку дня переговоров практически до одного пункта: Выработка общих целей борьбы со странами «оси». Примечательно, что Рузвельт хотел даже выпустить специальное сообщение, что планы на будущее на встрече не обсуждались. Пока президент хотел лишь выработать общие принципы, касающиеся «судьбы цивилизаций». Никаких секретных договоров и соглашений. Изложение же принципов было необходимо для мобилизации общественного мнения в США, для создания пафоса борьбы, для формирования консенсуса в американском обществе, который единственный мог обеспечить проведение далеко идущей внешней политики. Рузвельт знал, что С. Уэллес уже заготовил проект совместного заявления, но этот проект вряд ли придется по вкусу английскому премьер-министру. В нем речь шла о борьбе с колониализмом и с дискриминацией в торговле — прямой выпад против торговых барьеров Британского содружества наций².

Английский проект совместного заявления был представлен на второй день конференции. Черчилль в данной ситуации, как и Рузвельт, не был заинтересован в педантичном конкретизировании. Его проект представлял собой изложение общих принципов. Провозглашался отказ от территориальных приращений, свобода волеизъявления народов, непризнание насильственных изменений границ, «честное и равное распределение основных ресурсов», необходимость создания эффективной международной организации, гарантирующей безопасность государств, свободу морей и всеобщее разоружение. Эти пять принципов должны были послужить основой т. н. Атлантической декларации. К неудовольствию англичан, Рузвельт и Уэллес потребовали уничтожения «всех искусственных препятствий и контрольных механизмов... создавших хаос в мировой экономике на протяжении жизни последнего поколения». Протесты англичан, для

которых данное положение означало посягательство на основу единства их зоны влияния, поставили американцев в сложное положение.

Дальнейшее давление было чревато взрывом, как ни зависимы были англичане.

Идиллия сразу же уступила место жесткому спору. Черчилль воспринимал подход американцев как требование «разоружения» Британской империи, открытия путей для американских товаров. В этом случае Англия как индустриальный центр своей империи теряла свое значение. Черчилль не мог удержаться, чтобы не напоминать Рузвельту, что тот отказывался следовать принципам свободной торговли в течение многих лет после великого кризиса 1929 года. В конечном счете сработали стратегические соображения. К моменту встречи с Черчиллем Рузвельт уже пришел к заключению, что без вовлечения военно-морской и военно-воздушной мощи США текущий конфликт едва ли будет разрешен. Рузвельт не считал, что наступил момент решительного выяснения отношений с англичанами: впереди лежало неведомое будущее, где еще предстояли взаимные жертвы. Поэтому он смягчил американскую позицию, включив во фразу о грядущей свободной торговле добавление об «уважении к ныне существующим обязательствам».

Что касается прямого призыва англичан создать «эффективную международную организацию», то подписаться под таким призывом Рузвельт еще не был готов. Он еще не знал, будут ли у США в этой организации достаточно надежные рычаги. Поэтому он дал более широкое обязательство — содействовать «созданию широкой и постоянной системы общей безопасности». Об опасениях, владевших Рузвельтом на этом этапе, говорит тот факт, что он с величайшей охотой принял еще одну оговорку Черчилля — о том, что между окончанием войны и созданием всемирной организации должен будет истечь определенный «переходный период» и постоянный международный орган будет создан «только по прошествии этого экспериментального периода».

В ходе этой первой крупной международной конференции периода войны именно президент Рузвельт твердо настаивал на ее исключительно секретном характере. Держались в тайне не только детали переговоров, но само место проведения встречи. Мир узнал о конференции «Арджентия» лишь 14 августа, когда Атлантическая хартия была уже подписана. Через два дня пре-

зидент описал репортером общий англо-американский молебен на палубе линкора «Принц Уэльский».

Среди конкретных результатов Атлантической конференции следует указать на то, что Черчилль и Рузвельт выразились так жестко в отношении Японии, как их дипломаты не осмеивались говорить прежде: «Любое дальнейшее увеличение зоны контроля Японии в юго-западной части Тихого океана создаст ситуацию, в которой правительство Соединенных Штатов будет вынуждено предпринять контрмеры, даже если бы это могло привести к войне между Соединенными Штатами и Японией... Если любая третья сторона станет объектом агрессии Японии в результате указанных контрмер, президент будет намерен испросить согласие конгресса оказать помощь этой державе». Слова сильные, не допускавшие двусмысленных толкований. В Арджентии Черчилль настаивал на предъявлении Японии американского ультиматума, с тем чтобы как-то противостоять овладению японцами колониями поверженных европейских стран (как это было с введением японских войск во французский Индокитай). Английский премьер в самых мрачных тонах нарисовал Рузвельту обстановку, которая сложится в случае агрессии Японии против английских и голландских владений в Азии. Последует потопление всех английских судов в Тихом и Индийском океанах, прервутся жизненно важные связи Англии с доминионами. «Этот удар по английскому правительству будет почти решающим».

Рузвельту предстояло самому определить, являются суждения Черчилля преувеличением или нет. Разумеется, ему было ясно, что Черчилль крайне заинтересован в американо-японском конфликте — он открыто стремился к тому, чтобы американцы ужесточили свои позиции на Тихом океане. Совпадало ли это с интересами США в условиях неясности результата гигантской битвы в Европе? Рузвельт предпочел не идти так далеко, как хотел бы Черчилль, он объяснил премьеру, что продолжить переговоры с японцами стоит хотя бы ради укрепления тихоокеанского побережья США.

В целом анализ документов конференции подтверждает личные впечатления Черчилля, который встретил в Рузвельте человека, «исполненного решимости». Несмотря на тот факт, что президент заранее запретил любые разговоры на тему о вступлении США в войну, неутомимый английский премьер не устоял перед соблазном. Уже в первый день он сказал американцам,

что предпочел бы «немедленное объявление войны Америкой удвоению американских поставок». И президент не замахал руками, а ответил, что «премьер-министр идет по довольно тонкому льду». Для объявления войны потребовались бы трехмесячные общенациональные дебаты. Вместо этого, сказал Рузвельт, он лучше «будет вести войну, но не объявлять ее... Все должно быть сделано, чтобы вызвать инцидент, необходимый для объявления военных действий». Понятно, что англичане всячески подталкивали американцев. Так, они выступили с конкретными предложениями, как предотвратить передачу Испанией и Португалией Канарских и Азорских островов в руки немцев. При этом Черчилль более чем прозрачно намекнул, что для осуществления обеих операций у англичан нет материальных средств. И в этом случае — впервые в ходе войны — Рузвельт дал твердое обещание послать американские оккупационные войска на Азорские острова, если англичане сумеют заставить португальского президента Салазара «пригласить» их.

Здесь же, в бухте Арджентия, Рузвельт начал проводить линию на укрепление влияния США на морских просторах. Обсуждая состояние дел на Атлантике, он выразил свое намерение создать военные эскорты для защиты американского судоходства почти по всей акватории Атлантического океана. Президент лично провел на карте линию, обозначающую пространство к востоку от Азорских островов и от Исландии. Президент приказал атаковать германские подводные лодки, даже если они обнаруживались в 300 милях от обозначенных маршрутах конвоя. Теперь Черчилль нуждался в инциденте. Исключительно ободренный, он пишет в это время, что Гитлер поставлен перед тяжелым выбором: либо пожертвовать контролем над Атлантикой «в течение шести недель», либо начать нападение на американские корабли.

Следует особо сказать о тайном фронте англо-американского сотрудничества — создании ядерного оружия. Английские физики начинали делать давно ожидавшиеся от них успехи, и Рузвельт предложил Черчиллю объединить усилия. После некоторых размышлений англичане пошли навстречу американцам. Они пообещали «общий обмен секретной технической информацией с Соединенными Штатами в области исследования ультракоротких радиоволн». Речь тогда шла прежде всего о радаре, но ядерные исследования тоже были затронуты этим соглашением.

Часть имперски мыслящих англичан была против «излишней» зависимости от США. Первоначально патронирующий английские исследования МАУД³ — комитет по научным исследованиям — полагал, что атомная энергия «слишком важно для будущего и поэтому работа должна проводиться в Англии». Но другая часть ответственных за проект англичан исходила из того, что ресурсы Англии ограничены и это не позволит ей создать бомбу в ходе войны — отсюда обращение к гигантской индустрии Штатов. В конечном счете большинство указанного комитета высказалось за совместные исследования. Рузвельт, уволив момент слабости англичан, написал 11 октября 1941 г. в письме Черчиллю: «Кажется желательным поскорее начать обмен идеями, касающимися деятельности вашего Комитета МАУД и Организации доктора Буша в нашей стране». В октябре 1941 года директор Отдела научных исследований Ванневар Буш доложил президенту, что параллельно работающие англичане считают возможным создание атомной бомбы на основе урана-235. Рузвельт пообещал: если в течение шести месяцев перспективы станут определенными, подключить к делу всю мощь, все технологические и индустриальные ресурсы Америки.

* * *

Вечером седьмого декабря 1941 года Черчилль пригласил в свою загородную резиденцию Чекерс Гарримана⁴ и американского посла Вайнанта⁵. Оба американца нашли Черчилля необычно задумчивым и молчаливым. Около девяти часов вечера, вспоминает Гарриман, «вошел слуга Батлер и сообщил, что по радио сообщают о японском нападении на американский флот». Черчилль попросил его принести приемник в столовую. Узнав о Пирл-Харборе⁶, премьер приказал соединить себя с президентом Рузвельтом: «Мистер президент, что происходит с Японией?! — «Да, это правда, — последовал ответ. — Они атаковали нас в Пирл-Харборс. Теперь мы в одной лодке».

Технически это было не так. Потребовалось колоссальная ошибка Гитлера, объявившего 11 декабря войну Соединенным Штатам, чтобы англосаксонские союзники действительно оказались по одну сторону фронта. (Причину чудовищной оплошности Гитлера историкам трудно объяснить поныне; скорее всего он предполагал, что США так или иначе сконцентрируются на ти-

хоокеанском театре. На своем излюбленном форуме — перед сервильным рейхстагом — Гитлер сказал самоубийственные слова: «Мы всегда будем первыми наносить удар. (Рев трибун.) Мы всегда будем наносить первый удар...»).

Обретение — после Пирл-Харбора — в лице Соединенных Штатов могучего союзника вызвало у Черчилля эйфорическое состояние. В мемуарах он пишет: «Мы выиграли войну, Англия будет жить». 12 декабря он телеграфирует премьер-министру Австралии, что превращение Соединенных Штатов «в полнокровного военного партнера делает конечный итог войны определенным». С явным облегчением Черчилль пишет Эттли: «Теперь нет больше нужды предпринимать усилия, чтобы завоевать симпатию Соединенных Штатов. Теперь мы заодно». Из его диктовок этих дней видно, что занимало премьер-министра: вовлечь Соединенные Штаты в средиземноморские операции и в боевые действия в Европе. А пугала его концентрация Вашингтона на тихоокеанском противнике.

Тотчас же по получении известия об атаке на Перл-Харбор Черчилль принял решение посетить Вашингтон. Министру иностранных дел Идену он приказал вылететь в Москву. На недоуменный вопрос Идена, как они оба могут отсутствовать в Лондоне в такое время, Черчилль ответил, что обстоятельства войны изменились коренным образом. Наибольшее значение теперь имеют намерения двух новых великих союзников Англии. «Мы должны посетить каждого из них».

В новой мировой ситуации Черчилль выступил против нажима на СССР с целью стимулировать его скорейшее вступление в войну против Японии. Россия и без того оказывает «огромную помощь» Англии и Америке, «круша германскую армию на своем Западном фронте», заявил Черчилль кабинету министров 10 декабря 1941 года. Он не хотел на этом этапе объявления Россией войны Японии: «Это сделает для России невозможным передислоцирование дивизий из Сибири, которые могут иметь неисчисляемую ценность на Западном фронте».

Не переставая диктовать послания на все фронты во всех частях света, Черчилль, в сопровождении министра боеприпасов лорда Бивербрука и дочери Мэри, сел на поезд и прибыл к стоянке гигантского линкора «Герцог Йорк» (судна того же класса, что черчиллевский любимец «Принц Уэльский», потопленный японцами три дня назад). «Герцог Йорк» оторвался от эскорта

и в течение трех суток сохранял «радиомолчание», чтобы не привлечь германские подводные лодки. Погода было штормовая, и премьер-министр был отрезан от мира огромным бушующим океаном. Во время перехода через Атлантику Черчилля раздражали лишь свистки боцманов (он странным образом абсолютно не переносил свиста). Профессор Линдеман выполнял его задание: подсчитать, сколько шампанского он выпил за свою жизнь, — получалась вполне впечатляющая цифра. Черчилль впервые за долгое время взялся за рекомендованный ему Литлтоном роман «Капитан Хорнблауэр»⁷. Роман премьеру понравился, и на Ближний Восток, Литлтону, была послана радиограмма: «Я нашел Хорнблауэра восхитительным», что вызвало панику в местных британских штабах — здесь перерыли все досье, чтобы найти сведения об операции «Хорнблауэр». Сопровождающие премьера детективы впервые видели его без обязательных красных ящичков с секретной корреспонденцией.

Передышка была ему нужна, чтобы обдумать основную линию своей глобальной стратегии. Он изложил ее в серии меморандумов между 16 и 18 декабря 1941 года. (Значительно позднее, в апреле 1953 года он попросит президента Эйзенхауэра не публиковать многое из документов военных лет.) При его остром чувстве истории Черчилль не мог не понимать, что он плывет в Америку не только чтобы сокрушить Германию и Японию, но и для того, чтобы передать Америке мировую корону. Да, он продолжил великую английскую традицию, идя по стопам королевы Елизаветы в Тилбюри, за Мальборо и за обоими Питтами. Но тогда они полагались на собственные силы, а теперь он плыл за помощью прежней колонии. (Несколько позже Черчилль внезапно спросил Макмиллана, был ли Кромвель великим человеком? «Да, сэр, он был великим человеком». Но, сказал Черчилль, «он сделал одну ужасную ошибку. Преследуемый с юности страхом перед мощью Испании, он не сумел предвидеть рост Франции. Что будет сказано обо мне?» Американцы, еще в зените могущества Германии и Японии, уже давали очевидные доказательства отличности своих целей. Расхождения по поводу Ближнего Востока были ощутимы уже в 1941 году, а затем пришло понимание того, что будущее самой Европы видится различно из Лондона и Вашингтона. На внутренней арене, пишет Дж. Чармли, Черчилль упустил инициативу и «позволил социалистам приход к власти, который во многом

ослабил социальную и политическую систему, столь дорогую сердцу Черчилля... Он жертвовал британскими интересами ради эфемерного благожелательства американцев».)

Первостепенным по значимости Черчилль считал поддержание советского фронта, помощь которому «должна идти без помех и пунктуально». Только так, диктовал премьер, «сможем мы обрести влияние на Сталина и вплести могучие русские усилия в общую ткань войны». Эта задача была обозначена как наиболее приоритетная.

(Гопкинс привез ему из Москвы запас икры, и Черчилль сказал, что ради нее готов сражаться вместе с русскими. Отказ Гопкинса от второго скотча он объяснил как вернейший знак приближения к Америке. Все присутствующие были приговорены смотреть фильмы черчиллевского репертуара — драматические истории с сантиментами и быстрым развитием событий. Он снова смотрел «Леди Гамильтон», и слезы снова текли по его щекам.)

В остальном европейский театр требовал, по его мнению, маргинальных усилий. Нужно было удержать Турцию от попадания в германский лагерь, попытаться закрепить во французской Северной Африке, предлагая «Виши» выбор между «надежной и проклятием». Черчилль уже на этом этапе считал, что главным мотивом соблазна в отношениях с Петэном должно быть обещание «восстановить Францию как великую державу с возвращением всех территорий» (за исключением Сирии и зоны, прилегающей к испанскому Марокко).

Черчилль решил предложить американцам послать свои воинские контингенты в Северную Ирландию, это послужит для Берлина последним убедительным аргументом (если в таковом еще была нужда) не планировать высадки на Британские острова. Повторял ли он в данном случае ошибку Кромвеля?⁸ Иден, которого Черчилль (слишком) многократно называл своим преемником, видел в качестве главного партнера Британии в Европе Россию. Черчилль же ничего не хотел делать совместно с русскими, что могло бы вызвать отчуждение американцев. Лейборист Эттли говорил ему, что Британия более нуждается в сильной Франции, чем в Соединенных Штатах («мы не должны позволять ненависти Рузвельта к де Голлю⁹ осложнять наши отношения с ним»), — Черчилль предпочел смолчать. Но на премьера все же действовали аргументы типа слов Майского, что «если Россия потерпит поражение, шансы Британии выиграть войну будут

низведены до нуля». Не случайно Британия в декабре 1941 года объявила войну Финляндии, Венгрии и Румынии.

Что касается Дальнего Востока, то здесь Черчилль (в меморандуме «Заметки о Тихом океане») предвидел быстрые успехи японцев на начальной стадии войны. Слабым местом японцев являются их иссякающие ресурсы, уже во многом поглощенные многолетней войной в Китае. Поэтому фронты японцев желательно было сделать максимально растянутыми, их следовало держать в постоянном напряжении до тех пор, пока создание мощной бомбардировочной авиации Англии и США не сделает возможными массированные бомбардировки скученных японских островов. «Сожжение японских городов зажигательными бомбами будет наиболее эффективным способом показать народу Японии опасности курса, который он избрал».

Черчилль предполагал, что Сингапур продержится «по меньшей мере шесть месяцев». Начало перелома в боях на Тихом океане Черчилль связывал со спуском на воду в мае 1942 года двух американских линкоров с орудиями 16-дюймового калибра.

Единственное, чего боялся Черчилль, так это избрания американцами Японии в качестве цели номер один. Создание десяти-миллионной армии отнимает у них «по меньшей мере два года», что дает Гитлеру свободу рук в Европе, Американцев следовало поощрять выставлять против японцев что американские солдаты придут в Европу в 1943 году.

В последнем из меморандумов Черчилль делится общими соображениями о ходе войны. Переломным он видел 1943 год, когда «смотрящее на Европу с юга побережье Африки и Азии от Турции до Дакара будет в англо-американских руках», Черчилль не исключал закрепления в этом году в Сицилии и собственно на Апеннинском полуострове. Поражение Германии виделось результатом одного из двух процессов: «Поражение германских армий в Европе; внутренние конвульсии Германии, вызванные неблагоприятным ходом войны, экономическими лишениями и наступательными действиями бомбардировочной авиации союзников». В конечном счете, полагал Черчилль, хотя «внутренний коллапс» Германии исключить нельзя, рассчитывать следует на первую из альтернатив.

Уже тогда, в декабре 1941 года, Черчилль предполагал в будущем осуществить высадку союзных войск в «нескольких из следующих стран: Норвегия, Дания, Голландия, Бельгия, побережье

Франции, Италия и, возможно, Балканы». Согласно его точке зрения, высадка на континенте падет скорее всего на 1943 год. Черчилль считал, что нужно разработать планы десанта во всех местах, можно было избрать из них «три или четыре» наиболее подходящие. Тогда — в декабре 1941 года Черчилль полагал, что войну, при успешном стечении обстоятельств, можно будет завершить в 1943 году, в крайнем случае в 1944 году. Он считал тогда, что дату высадки в Европе следует объявить заранее, чтобы укрепить надежду у поработанных народов и предотвратить формирование связей между ними и немцами.

Черчилль не хотел, чтобы Сталин объявил войну Японии. Идену, направляющемуся в Москву, он говорит: «Ввиду сильного желания Соединенных Штатов, Китая а, несколько я знаю, Австралии видеть Россию воюющей против Японии, вы должны сделать все возможное, чтобы переубедить Сталина, если он тоже отнесется к этому благоприятно». Позднее Черчилль объяснял: «Я не желал, чтобы на него (Сталина) пало излишне тяжелое бремя, поскольку видел, как мало мы можем внести в общую борьбу». Советский Союз нужен был Черчиллю для борьбы с Германией. В отличие от Первой мировой войны, Россия, кажется, могла выстоять.

Из Москвы А. Иден передал пожелание Сталина получить западное признание довоенного статус-кво в отношении советских границ: «Сталин, я полагаю, искренне желает заключить военные соглашения, но не подпишет их, до тех пор пока мы не признаем его границы». После довольно длительных размышлений Черчилль принял важное решение не идти навстречу Сталину в этом вопросе. Вопрос о границах, пишет он, «будет решен на мирной конференции, когда мы победим в этой войне». Нет сомнения, что у Сталина позиция Черчилля в этом вопросе в момент, когда две трети германских войск были задействованы именно на советском фронте, породила глубокие подозрения. Они пали на уже подготовленную прежним опытом почву. Но Черчилля не беспокоили эти подозрения. С немалой долей цинизма он сообщает Эттли 20 декабря, что русские «в любом случае обязаны сражаться за свои жизни, и они зависят от наших поставок». В телеграмме Идену 20 декабря Черчилль советует «не быть грубым со Сталиным», но не идти на заключение каких-либо «секретных или особых пактов». Любопытно, что в этой телеграмме Черчилль впервые делится своими мыслями о будущем

устройстве в Европе. Текущая война особенно наглядно показала «уязвимость Ленинграда», окруженного германскими войсками. «Первой целью» послевоенной мирной конференции должно быть предотвращение любого нового выступления Германии. Нужно «отделить Пруссию от Южной Германии», но поднимать эти вопросы пока не следует — это только сплотит немцев вокруг Гитлера.

Иден из Москвы видел обстоятельства войны в ином свете, и он настаивал на признании довоенных советских границ. Раздраженный Черчилль указал своему министру, что тот, видимо, не читал его прежних посланий. Призывы Идена «показать острый вкус искренности Англии» признанием довоенных границ неприемлемы. Одновременно с этими указаниями Черчилль послал самые цветистые поздравления Сталину в связи с днем его рождения. На банкете в Кремле Сталин демонстративно провозгласил тост за британского премьера.

В письме к Клементине Черчилль назвал неделю, проведенную на «Герцоге Йорке», «самой длинной неделей со времени начала войны. Было холодно, спокойно и светло». У него было время поразмыслить. 27 шифровальщиков постоянно приносили лежащему в постели Черчиллю телеграммы со всех концов света. На борту линкора Черчилль узнал об успехе советского контрнаступления под Москвой. «Невозможно описать мое облегчение, — телеграфирует Черчилль Сталину, — с которым я узнаю о каждом новом дне удивительных побед на русском фронте. Я никогда не чувствовал себя более уверенным в итоге войны». Иден сообщил ему, что «Сталин полностью с нами против Гитлера. Он очень доволен вашим посланием».

«Да, мы спокойны здесь, — писала Клементина мужу 19 декабря 1941 года. — Но Гонконг находится под непосредственной угрозой, а в дальнейшем в зону опасности попадет и Сингапур? Борнео подвергнется вторжению — следует Бирма? Не говоря уже об ударах, нанесенных Америке... Мой дорогой Уинстон, храни тебя бог и подвигни на хорошие планы вместе с президентом. Мы живем в ужасном мире, Европу оккупировали нацистские свиньи, а Дальний Восток — желтая японская зараза».

Черчилль ответил супруге: «Худшее случилось с Гонконгом; хотя все знали, что это передовой пост нашей обороны, мы надеялись, что укрепленный остров будет держаться несколько недель, возможно месяцев, а ныне видно, что он на грани сдачи

после всего лишь двухнедельной борьбы... Мы должны ожидать суровых ударов со стороны Японии, и нет смысла критикам кричать “Почему мы не были готовы?”, когда все наши силы уже задействованы. Вступление в войну Соединенных Штатов компенсирует все удары... Быть на корабле в такую погоду — словно сидеть в тюрьме с дополнительным шансом утонуть. Но возможно, есть и польза в том, что я отвлекся от непосредственных дел. Следует время от времени созерцать всю разворачивающуюся картину целиком». Черчиллю явно нравилась его роль во всех этих делах, да и лежащий образ жизни устраивал его более всего. Притом каждый вечер было кино, которое Черчилль считал лучшим способом избавиться от насущных забот. А главной из забот были сомнения в том, найдет ли он верный тон в контактах с Рузвельтом, сумеет ли сделать союз с США осью своей мировой политики. «Можешь себе представить, — пишет он Клементине, — как я волнуюсь, не зная, что предложат мне американцы».

22 декабря 1941 года Черчилль высадился в Хемптон-Роуд и оттуда вылетел в Вашингтон. Через несколько часов второй этаж Белого дома превратился в штаб двух величайших держав Запада. Спальня Черчилля располагалась напротив кабинета Г. Гопкинса. Эти трое — Рузвельт, Черчилль и Гопкинс провели несколько дней, почти не расставаясь. Персонал Белого дома видел, как Черчилль несколько раз подвозил коляску с президентом к лифту. Зато президент покорно ждал, когда Черчилль выпится после обеда.

Как уже говорилось, Черчилль боялся, что президент Рузвельт будет настаивать на первоочередности обращения к азиатскому отрезку «оси». Взятые в отдельности английские силы были недостаточны для энергичных действий с запада против половины Европы, оккупированной Германией. Однако уже через несколько часов обсуждений Черчилль успокоился, его опасения в отношении азиатской заангажированности американцев безосновательны. Генерал Маршалл и адмирал Старк от лица американского правительства заявили, что европейский театр военных действий является «решающим² и что «Германия — ключ к победе». Стало ясно, что президент Рузвельт в своей глобальной стратегии исходит из той идеи, что США должны принять первостепенное участие в боевых действиях там, где в конечном счете определяется мировой расклад сил, а именно

в Европе. Победа или поражение именно Германии решали судьбу Америки — этого принципа Рузвельт придерживался твердо.

На этом этапе дискуссий (на которые Рузвельт пригласил, помимо Гопкинса, Хэлла и Уэллеса, а ряды англичан пополнили Бивербук и Галифакс) Черчилль был в превосходной форме. За дни перехода через Атлантику он проиграл с группой своих помощников немало вариантов, и теперь его красноречие покоилось на основательном знании предмета. С точки зрения английского премьера, если немцы стабилизируют советско-германский фронт, они постараются укрепить «крепость Европу». Возможна оккупация Испании и Португалии, а также выход на североафриканские рубежи. Следовало подумать о реакции западных союзников на такое смещение центра внимания Берлина. Черчилль предложил свой вариант действий англо-американцев на этот случай. План назывался «Джимнаст», и он предполагал высадку десанта американских войск в Марокко, в районе Касабланки.

26 декабря Черчилль выступил перед объединенной сессией сената и палаты представителей конгресса США. «Я не могу заставить себя не размышлять о том, что, будь мой отец американцем и моя мать англичанкой, а не наоборот, я, наверное, был бы среди вас. И это был бы не первый случай, когда вы слышите мой голос». Самый большой успех выпал на фразу, обращенную к японцам: «За кого же они нас считают?» Американцам пришлось выслушать и неприятные пассажи: «если бы мы были вместе после минувшей войны, если бы мы предприняли общие меры безопасности, это новое проклятье не свалилось бы на нас». Наступила тишина, но Черчилль имел мужество продолжать: «Пять или шесть лет назад для Соединенных Штатов и Великобритании было бы легко, не проливая крови, заставить Германию разоружиться».

Черчилль довольно много говорил об азиатском театре военных действий. «Когда мы сопоставляем ресурсы Соединенных Штатов и Британской империи с ресурсами Японии, когда мы вспоминаем о том, что Китай так долго и доблестно противостоит вторжению, и когда мы вспоминаем также о силе русских, то становится трудно соотнести японские действия с простым благоразумием и даже с обыкновенным здравым смыслом». В конце своей речи премьер-министр коснулся проблем устройства мира после достижения победы. Он предположил, что союз сил, борющихся с державами «оси», будет основой послевоенной

стабильности. При этом «британский и американский народы ради своей собственной безопасности и ради блага всех поймут вместе друг с другом».

В конце этого заполненного событиями дня, ложась спать, Черчилль попытался открыть окно, и острая боль пронзила его левую руку. Ничего подобного с ним ранее не было. Стандартный учебник требовал в случае коронарной недостаточности шестидневный отдых в кровати, и врач сэр Чарльз Вильсон должен был это сказать. Но сообщение о сердечном приступе в такое время могло иметь для Черчилля фатальные политические последствия. «Не говорите мне, Чарльз, об отдыхе. Я не могу. Я не буду. Никто не проделает за меня эту работу. Я должен». Лишь спустя двадцать четыре года, после опубликования мемуаров Вильсона стало известно об «ангине», поразившей Черчилля 26 декабря 1941 года. Уже утром 27-го Черчилль обсуждал с генералом Маршаллом перспективы развития событий на Дальнем Востоке.

